

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Москва

МИР КНИГИ

16 октября 1985 г. 6

Лариса Васильева

ВЕРА МАРЕЦКАЯ — «ЗВЕЗДА» И ЧЕЛОВЕК

Голос был грудной, глубокий, как будто чуть надтреснутый, насмешливый и ласковый — совсем необыкновенный голос.

— Я привезла вам (вам?! А мне десять лет!) — привет от мамочки. Мы вместе отдыхали в Кисловодске. Она беспокоилась, вы мало ей писали! Но скоро она уже придет. Мы с ней очень подружились. И с папой тоже. Надеюсь, вы также подружитесь с моей дочкой Машенькой. Вы ровесницы. Вот вам мой телефон, запишите. Зовут меня Вера Петровна Марецкая.

Телефонная трубка замолкла, а я еще долго держала ее, словно в ней отныне незримо оставался внезапно возникнувший и исчезнувший голос. Да, собственно, так и случилось. Голос Веры Петровны, весь ее облик, вся ее жизнь очень скоро стали частью, и немалой, жизни моей семьи и потому, что я подружилась с Машенькой, и потому, что Вера Петровна и мои родители стали близкими друзьями.

Помню большое семейное застолье в нашем доме и в центре его — Веру Петровну, наряженную, в чем-то блестяще-синем.

— Кокоша! — уговаривает она моего отца. — Ведь в вас актер погиб! Нет, не погиб, вы его к другому делу пристроили. Ну вот давайте я вам сейчас подыграю.

Она ловко надевает попавший ей под руку мой школьный белый праздничный фартук и мгновенно становится Варенькой, не сельской еще учительницей, а влюбленной гимназисткой. Перехватив и верно поняв мою догадку, она бросает мне:

— Нет, так не будет! Это штамп. Я не Варя. Я девушка, горничная из барского дома, а он — мой подлый соблазнитель. Начали!

И минут десять длится восхитительный импровизированный диалог, где она умоляет и грозит, а он посмеивается и не сдается, не сдается, но наконец уступает ей. Да и как тут не сдаться!

— Вас бы, маршал, к нам в театр. Вы, Плят и я — вот было бы трио! «Маршалом» отца называют за его высокую могучую фигуру и еще за то, что он, когда надевает свой военный мундир, становится особенно величественным.

Еще помню: лето, дача — маленький деревянный домик на территории дома отдыха строителей в Красной Пахре.

Из книги «Воспоминания о народной артистке СССР Вере Марецкой», готовящейся к печати Всероссийским театральным обществом.

На веранде Маша, моя мама, я, еще кто-то. Ждем Веру Петровну. Она едет отдохнуть от работы на два выходных дня. Осторожно выпроваживаем кого-то, боимся, не помешал бы Вере Петровне. Наконец она появляется — усталая, измученная даже. Под мышкой у нее огромный рулон ситца.

— Вот, — говорит, — захала в магазин, купила. Будем два дня шить купальные костюмы! Что вы все на меня так смотрите? Лето. К морю девчонок надо отправлять. Надо нашить купальников, мне дали чудесные выкройки. Посмотрите, какой милый ситчик.

Она говорит убежденно, горячо, однако мы все смотрим на нее с сомнением: какие купальники! Лежать ей надо. В одиночестве.

На короткое время уговариваем, она уходит, но возвращается через полчаса.

— А зачем же я тогда ситец покупала?

— Пригодится. Мы сами сошьем.

— Нет, нет, не сошьете, вы все тут лентяи. Вы только купаться любите, а шить купальники — нет.

И мы раскладываем ситец, начинаем кроить, увлекаемся, и больше всех Вера Петровна. Как все поистине талантливые люди, она и тут особенная, выдумывает какие-то особые бретельки.

— Зачем так много ситца? — спрашивает мама.

— Ну как же! Ведь мы же не умеем, половину перепортим, а из половины авось что-то выйдет.

Не вышло ничего из половины: в понедельник она уехала на съемки и забыла про купальники. Вспомнила она о них, лишь когда мы собрались ехать к морю. Мама показала ей прекрасные купальники, купленные в магазине. Она доверчиво приняла их за те, ею скроенные, а может быть, и не приняла, но это было для нее время трудных съемок и желание стать женщиной-хозяйкой заслонилось более важными делами.

Ей было хорошо и легко в нашей семье с людьми, далекими от кино и театра. Она как будто отдыхала от своего мира в мире совсем другом, более домашнем, где почтение ее таланта было ненавязчивым, разве что все хотели дать таланту отдохнуть.

Она удивительно чувствовала людей и умела быть с ними такой, какую нужна была им. Всю свою жизнь была она кинозвездой и «звездой» театра. Одна из десяти, а может быть, и того меньше, самых знаменитых женщин своего времени. Однако разве живущие рядом с нею люди

ощущали это? Привычное обывательское (я не вкладываю в это слово отрицательного смысла). Обывательское — сиречь житейское, повседневное) представление о кинозвезде связано с блеском и надменностью, с ослепительными происхождениями и умопомрачительными легендами. При ближайшем рассмотрении весь этот блеск часто становился чистой мишурой, «звезды» такого рода, как правило, быстро гаснут. И все же «звездность» привлекает человека: хоть в чужой жизни прочесть желанную сказку.

Увы, Вера Петровна ничем не могла помочь такому человеку. Свет ее силы помогал в чем-то более важном, чем иллюзии и сказки. У нее была семья и работа, друзья, о которых она заботилась, и посторонние люди, которым она могла помочь. У нее была трудовая жизнь. И очень счастливая, потому что она сама так хотела.

Помню, однажды мы встретились случайно в Ленинграде. Она жила в большом трехкомнатном номере вместе с другой «звездой» — у каждой по комнате и одна — общая. У той актрисы все было аккуратно и изящно, она тщательно занималась собой, целыми днями делала зарядку, питала лицо кремами, отдыхала, передевалась по несколько раз в день.

— Вам бы, мама Вера, поучиться, — развязно скачала я. Марецкая посмотрела на меня почти печально. Она не обиделась — знала, что говорю от любви.

— Скучно, Лорис. Да и некогда мне. Она молодец, умеет...

— Вот и хорошо. «Звезда»

так и должна. А вы воз так и должна. А вы воз так и должна.

— Мне нравится воз тянуть. Весело. Народ на возу.

На возу... Как сладко бывало взобраться на этот марецкий воз. И в детстве, когда я приходила на праздники, жила по несколько дней среди веселого, вечно толпящегося во всех комнатах народа, что-то жующего, над чем-то смеющегося. И потом, когда выросла и однажды «взобралась на воз», решая свою судьбу.

— И так, ты хочешь знать, есть ли в тебе талант актрисы? Мечтаешь о сцене. Не оригинально! Ты, конечно, хочешь, чтобы я тебе помогла?

Холодный, резкий, чужой тон. Как странно, неожиданно, даже обидно. И взгляд непривычно отстраненный. Она только что вернулась в Москву со съемок, знает, что и Завадский и Плят «за меня», родители мои волнуются, а все зависит от нее, потому что разбирается она во мне лучше всех.

— Нечего тебе делать на сцене. Ты пишешь стихи, и у тебя очень, очень строптивый характер. Представь себе — ты всю жизнь будешь говорить чужие слова, изображать людей, написанных другими. Ты сама можешь написать людей. И жить в них. Иди. Больше я ничего не скажу.

Пораженная ее словами, я долго сидела в соседней комнате и думала... Ни о чем я не думала. Понимала, вернее, ощущала ее правоту. И как ни странно — не обидно было, а свободно.

— Спасибо, — сказала я при случае, — вы спасли меня.

— Челуха. Человек все сам решает. Ты у нас не дурочка.

А спустя годы, когда в больнице она вдруг задумала читать и записать на магнитофонную пленку мои стихотворения, я услышала от нее такое:

— Это я тебя тогда от сцены отвела. Это моя заслуга, что ты теперь стихи пишешь и печатаешь. Моя или нет?

— Конечно, ваша! — горячо подтвердила я.

— Говори, говори... Все ты врешь, меня, бедную, больную, поддерживаешь. Хотя, впрочем, отчасти я сделала кое-что... Знаешь, почему я тогда так тебе сказала? Потому, что и меня это мучило. Сколько пьес мне хотелось в жизни переписать! По-своему! А когда такое хотелось, я всегда об авторах думала. Пусть он и бездарь, а сам — творец! Как бог!

— Но ведь вы не жалуете, что вы — актриса, а не писательница!

— Нет, конечно. Но я бы с радостью еще и писательницей стала. И еще кем-нибудь. Жадная я очень.

Ее дружба с моим отцом — это целая поэма о людях тридцатых — сороковых годов нашего века. Они были романтиками и творцами, и никакие сложности и тяготы не смогли оторвать их лиц от лица времени. Они принимали его таким, каково оно было, сумели вынести все и принести нам чистыми дела и мысли свои.

И если мы не сможем воспользоваться тем нравственным даром, которым они щедро наградили нас, не их вина — наша беда. Отец мой, Николай Кучеренко, был конструктором, Вера Петровна — замечательной актрисой. Им было весело и интересно вдвоем. Они бесконечно давали друг другу какие-то советы, неведомые другим. И, как утверждали оба, эти советы оказывались чрезвычайно полезными...

С самого моего детства и по сей день не умом, а сердцем я всегда делю людей на две категории — люди временные и люди вечные. Не в книгах вычитала, сама придумала, а посему и спрос за это деление прост — с одной меня. Временные и вечные люди. Это не значит, что одни хорошие, а другие плохие. Просто есть люди, принадлежащие одному только и единственно своему времени. Они не мыслятся ни в каких иных временах. Они современны. Они вписываются в момент своего существования на земле, как трава в картину пейзажа.

Они отражают свое время, все его течения и направления, все его моды, влияя на него, изменяясь вместе с ним. Примеров тому можно привести много. А вечные люди мыслимы во всех временах. Они не несут моды на время, часто они стоят вне ее, не вопреки ей, а помимо нее. Не мешая моде, а сосуществуя с нею. Все сложные ситуации своего времени решают они по вечным законам, в них самих заложены.

А пример — вот он: Жан Габен и Вера Марецкая. Поместите их в другое время, и они разместятся в нем столь же просторно, сколь и в своем, столь же убедительно и достоверно.

Во всяком случае, зная Веру Петровну Марецкую — «звезду» кино и сцены, Веру Петровну — мудрую и глубокую женщину и маму Веру — чудо из чудес доброты и любви, я могу достоверно утверждать одно: она одарила нас своим талантом. Она помогла нам в трудные минуты. Это случилось в наши дни.

Фото В. Петрусовой.